

Утверждение себя в искусстве — процесс мучительный, требующий от художника напряжения и концентрации воли, ежедневного труда души и интеллекта. Нелегко сохранить в суете обыденных забот верность избранному пути, чистоту помыслов, цельность характера, а главное — не поддаваться искушению изменить самому себе, поступиться жизненными принципами.

Слава, известность — это не звон бубенцов на колпаке у фигляра.

Леонид Эфрос, верящий в свою звезду, — человек искренний и честный. Он не раз сталкивался с проблемой: остаться самим собой или заняться тем, что чуждо и не свойственно его творческим устремлениям. И всегда в этой ситуации он с твердой убежденностью в правильности выбора делает то, что считает единственно верным.

С уважением, тактично и бережно относится он ко всем, кто его окружает, к их оценкам и мнению, сохраняя при этом твердость и неизблемость своих убеждений, жизненных принципов и оценок художественных явлений. В этом, как и во многом другом, проявляются интеллигентность и внутренняя культура Леонида Эфроса.

В искусстве его отличает прирожденное чувство вкуса, которое сказывается и в поведении, и в стиле жизни. Не пренебрегая ее обыденностью, он умеет существовать как бы вне повседневных забот и дел, выполняя все легко и изящно.

В нем много доверчивости и открытости души, эти черты характера — отнюдь не наивность глупца, а выражение чистоты помыслов умного человека, обладающего мудрой прозорливостью в постижении сути вещей и находящегося в согласии и единении с природой в самом широком смысле ее толкования.

В рассказе о своей работе Леонид часто стремится выразить свои мысли поэтическими строками, а сам технологический процесс обжига предстает в его изложении как некое ритуальное действие или таинство. Итогом такого священнодействия становится эмаль — сплав стекла, краски, металла и души художника, скрепленный огнем. Как некогда алхимика, колдовавшего над ретортами, эмалиера также зачастую ждет непредсказуемость результата, чудо открытия.

Искусство эмали в какой-то степени элитарно. Оно рассчитано на глубокое и длительное созерцание, предполагает у зрителя умение оценить высоту технического исполнения. В наш стремительный и суетный, механизированный век это искусство помогает насладиться утонченностью общения с очень камерным, требующим внимания и сосредоточенности произведением. Оно хранит в себе кропотливый труд художника, его индивидуальность, что-то очень личное и сокровенное. С другой стороны, миниатюрный портрет жил и живет в интерьере частного дома и традиционное предназначение эмалевой миниатюры — память о существе близком и дорогом, ее можно взять в руку, согреть своим теплом, что придает особую притягательность этому виду искусства.

Для эмалей Леонида Эфроса характерно стремление расширить живописные и пластические возможности традиционной финифти. Прежде всего, это нашло отражение в формальных поисках. Он сочетает миниатюру с объемно-пластическими элементами. Преодолевая сопротивление материала, художнику удается эту тягучую массу, лежащую на пластине и не желающую подчиниться законам трехмерного пространства, заключить в объемную форму („Игра“). В другой декоративной композиции – „Лошадь для фельдмаршала“ – стилизованный картуш, украшающий створки, а главное, голова лошадки с четко выполненными ушками – это уже не просто эксперимент, а желание овладеть, подчинить себе полностью материал.

Подвергается новому осмыслению и сама образная структура портретной живописной эмали. Именно у Эфроса появляется изображение не конкретного исторического лица, а собирательный образ человека XVIII века – некой „персоны“. Его герои, особенно исторические лица, выглядят часто как актеры, играющие роль и объединенные одной пьесой под названием „История“. Так построена композиция „Герои Отечественной войны 1812 года“. Так сохраняется дистанция между художником и живописным образом, моделью для которого послужил давно ушедший человек.

Явное тяготение к решению собственно живописных задач в эмали позволяет говорить о своеобразном станковизме произведений Леонида Эфроса. К тому же во многих работах он стремится включить модель в интерьер („Малый Эрмитаж. Наташа в Павильонном зале“), который также подробно разрабатывается в цвете. Художник сознательно усложнил задачу, пытаясь подчеркнуто современную модель „вписать“ в старинный интерьер. Одновременно расширяются границы жанров миниатюры. Исчезает сосредоточенность художника только на портретном образе, что было так характерно для старинной миниатюры на финифти.

Леонид Эфрос много внимания уделяет выразительным возможностям сочетания различных техник в одном произведении. Так, в „Портрете А. В. Суворова“ и „Портрете Вольтера“ одновременно используется живописная и ювелирная эмали.

Леонид Эфрос все время находится в творческом поиске. Его планы огромны и хочется верить, что предчувствие своей судьбы и удачи в творчестве сбудутся. Так думают те, кто его знает и ему верит.

Наталья Попова,
кандидат искусствоведения
(Ленинград)